

ВЕШАЛКА

НАШ ТЕАТР НАЧИНАЕТСЯ С «ВЕШАЛКИ»

В НОМЕРЕ:

- 1-2, 5 стр. Юлия Сенюкова и Алексей Вэйро о фестивале «Иное. 4»
3-4 стр. «Музыка любви» Агунды Кулаевой и Алексея Татаринцева
4 стр. Эхо премьеры оперы «Поругание Лукреции» Б. Бриттена
6 стр. Концертные программы мая

14 мая в Новой Опере открывается уже четвертый хоровой фестиваль «Иное». Проект режиссера Алексея Вэйро и главного хормейстера Юлии Сенюковой раскрывает иные возможности оперного хора: в программе фестиваля – редкие для оперного театра жанры и сочинения, экспериментальные постановки. Три года подряд мы делали «парное» интервью с создателями фестиваля, но в этот раз решили поговорить с ними по отдельности.

Алексей Вэйро:

«Не мы выбираем произведения – они выбирают нас»

По традиции, начнем с афиши. Что это за гранат и что тут делают фракталы?

Ага, начала с самого интересного! Фракталы завораживают. Однажды я увидел в интернете какую-то графику с фракталами, и они как бы двигались на меня, абсолютно детское ощущение. Я решил использовать их в оформлении афиш и в видеоряде концерта «Синестетика». Идея бесконечного количества миров, которые существуют помимо нашего и в которые можно погружаться. Мульти-селенные.

А гранат?

В живописи это один из основных христианских символов, наравне с гроздьем винограда. А принцип тот же: нечто единое, что содержит в себе множество. Интересно, что в этих образах отражается сама идея хоровой музыки: произведение исполняется множеством, которое представляет собой единство. Гранат связан со знаменитым мифом об Аиде и Персефоне: когда Аид отпускает Персефону из царства мертвых, он дает ей съесть гранатовое зерно и тем самым привязывает ее к подземному миру. Получается, гранат – еще и древний символ соединения и взаимодействия миров людей ушедших и живущих. В каждом из наших фестивалей мы исполняем музыку, которая так или иначе связана с темой религии, взаимоотношений с

Богом. Мы берем тексты на границе земного и неземного, какие-то из них напрямую связаны с церковными службами, какие-то – рождены из взаимодействия с религией.

Мы можем воспринимать «Поэму огня» Скрябина на разных уровнях. Например, я в свое время увлекался эзотерикой, и могу понимать эту музыку примерно так: вот Дух, вот он начинает творить и так далее... С другой стороны, я недавно послушал и подумал: можно же пойти от простого. Например, если

это слушает танцор, воспринимающий музыку пластически, а не через цвет, как Скрябин, – он в ней чувствует прежде всего движение. Я попробовал, и сложился образ: человек смотрит на огонь, и у него рождаются образы, воспоминания, мечты. Вот так просто.

Кажется, принято считать, что Скрябин как раз шел первым путем... Но это не значит, что и мы должны!

Конечно, не должны. У нас нет хороших примеров исполнений, которые отражали бы замысел Скрябина.

Фестиваль
хоровой музыки
ИНОЕ.4
14–22 мая

Алексей Вэйро. Фестиваль «Иное. 3».
«Буря, или Зачарованный остров» Г. Пёрселла. 19.05.2018

Я выбрал формулу Эйзенштейна для названия «Синестетика», потому что именно у него встретил мысль о том, что это очень субъективная вещь. Работая с цветом в кино, да и в музыке, невозможно так «попасть» в цвет, чтобы он для всех выражал одно. Мы знаем, например, что у нас белый – цвет свадьбы, а в Японии – траура. У всех восприятие очень разное. Поэтому мы с видеоотделом долго ломали голову по поводу световой партитуры. Были попытки подключить через определенную программу к синтезатору так, чтобы многоголосие, прописанное в партитуре, шло напрямую с синтезатора и выдавало цвет на экран. В конечном итоге мы от этого ушли в сторону индивидуального творчества, но на тему скрябинского понимания цвета.

Как мы легко перешли к техническим вопросам! То есть, у нас будет экран с видеопроекцией?

Три экрана. «Прометей» по оркестровке самый насыщенный из всех, там большой, малеровский состав оркестра и хор. Нам нужно разместить всех на сцене, при этом мы повесим три экрана, боковыми экранами закроем порталы [архитектурное обрамление сцены, отделяющее ее от зрительного зала. – Прим. ред.], где у нас находятся световые ложи, и в полуспускающую оркестровую яму поставим проекторы. Получится, что изображение будет перемещаться: боковые экраны будут заполняться фактурами и цветом, они будут перетекать в основной

экран и там смешиваться.

Как будет сделано световое оформление в остальных произведениях?

Так как в них никакой световой партитуры не прописано, мы снова занимаемся творчеством на тему этой музыки. Например, меня очень цепляет, как написана *Stabat Mater* Шимановского.

В смысле, как?

А вы знаете, что стало импульсом ее написать?

Меценат заказал на смерть жены. А у Шимановского тогда

умерла племянница.

А как она умерла?

Не знаю.

Она была в одном из львовских монастырей, уж не знаю, что она там делала. И на нее. Упала. Статуя. Святого! Она ударила ее по голове.

Что?!

Причем этот польский святой, Станислав Костка, знаменит тем, что умер очень молодым, почти сразу после того, как стал монахом. Девочку убила статуя самого молодого святого. Какая драматургия! Я был в шоке, когда это узнал. Мы в видеоотделе сразу решили, что к этому произведению подойдет такая фактура: мир, рожденный из крови девочки. Основа – красный цвет на сером фоне, и из красного цвета благодаря фракталам возникают целые миры.

Кстати, очень интересно, что на премьере «Прометей» не было цветового органа. А первый цветовой инструмент с 12 лампочками использовался при исполнении поэмы в Карнеги-холл, и дирижировал...

Кусевицкий.

А *Gloria* Пуленка посвящена Кусевицкому. Опять совпадение. У нас с Юлией Сенюковой и Яном Латамом-Кёнигом были и другие варианты программы. Потом мы останавливаемся на этих названиях и выясняем, что, с одной стороны, мы их выбрали, а с другой стороны – они были необходимы, это они нас выбрали.

Не волшебник выбирает палочку, а палочка – волшебника...

Да! Зачем вы это сказали? Я сейчас пересматриваю «Гарри Поттера»! И чувствую, что начну перечитывать...

Что вы наделали с «Черным»? Почему поменяли название?

Да ничего особенного не наделали. Знаешь, у режиссеров есть одна отрицательная черта...

Только одна?

Да, только одна! (Смеется.) Считается, режиссер встречается с людьми, чтобы сделать произведение. А вот и нет, он встречается с людьми, чтобы вместе свидетельствовать это произведение. Команда важнее произведения, оно – только повод для встречи. И в эту встречу мы приглашаем и зрителя. Когда режиссер начинает работать с артистами, он полагает, что они к концу работы должны стать какими-то *иными*, что, если его потрясло произведение, то и артистов потрясет так же. В творчестве, как и в религии, всегда есть опасность секуляризации, упрощения. В «Черном» наступил такой момент, когда захотелось пойти глубже. Мы с Юлей решили, что не нужно ходить по протоптанной тропинке. Мы выбираем новые спиритуэлы, мне они кажутся какими-то архаичными: в них есть ритм и практически нет мелодии. Можно провести параллель со «Страстями по Матфею» Шютца. Это добаховское произведение, «страсти» еще не стали такими светскими, «причесанными», это только первый шаг. Мне близка идея, что культура, искусство и религия функционируют правильно, когда помнят, что они тесно взаимосвязаны. И вот это ощущение в «Черном» я искал специально, а у Шютца оно просто показалось мне очень близким – соединение сакральности и мирского.

Какое решение вы нашли для «Страстей» Шютца?

Однажды я сидел в темном Зеркальном фойе. Смотрю в сторону входа, наверх. И думаю: это пещера. Ни в одном театре такого нет, а здесь заходишь, и такой – ух! – ныряешь в сакральность. Мы разговаривали с Юлей, я говорю: это должен быть раннехристианский образ. Как будто люди собрались на службу, а остальные подсматривают. Зрительный зал разделен на две половины. В этой «пещере» на деревянных скамьях сидят люди, идет служба, и ты на них смотришь. Христос – единственный персонаж, который движется сверху вниз, от входа (Продолжение на стр. 5)

(Продолжение. Начало на стр. 2) спускается в эту пещеру к хору. «Страсти» всегда заканчиваются смертью, и перед человеком встает вопрос: а веришь ли ты, что он потом воскрес? Исполняют это сочинение очень мало ребят, 19 человек. Все персонажи – из состава хора, они встанут со скамьи и туда же садятся, спев свою партию. И только два человека, кроме дири-

жера, – Евангелист и Христос, – встречаются на пути сверху вниз. Идея соединения двух половин зала через произведение искусства. Надеюсь, что это считается.

Могли ли вы с Юлей подумать, когда задумывали первое «Иное», что эта история так приживется? Прошло уже три фестиваля, грядет четвертый, все их очень любят...

Нет, не могли. Мы сразу честно договорились, что будем пробовать и, если будет получаться, будем продолжать. Я не знал, что будет второй фестиваль, третий... Какие-то высшие силы с нами взаимодействуют. Пока «Иное» идет – я очень рад, что оно идет.

Юлия Сеньюкова: «Жизнь артиста не может быть спокойной»

Юлия, поздравляем с четвертым «Иным»! Вы думали, что эта история затянется на несколько лет?

Мы вообще не строили никаких планов, просто четыре года назад накопилось много идей, которые хотелось воплотить. Артисты хора набрали отличную профессиональную форму, и мы захотели сделать что-то, выходящее за рамки обычного репертуара оперного хора. Сейчас у нас по-прежнему много идей, музыки, которую хочется спеть. Надеюсь, что это не последняя наша история с «Иным».

Кульминацией фестиваля (если так можно назвать первый его концерт) станет «Синестетика». Как сложилась эта программа: «Прометей» Скрябина, Gloria Пуленка и Stabat Mater Шимановского?

Программу придумал Ян Латам-Кёниг, а мы с Алексеем Вэйро его идеи с радостью поддержали. Я вообще люблю музыку XX века, она мне очень близка. Этот концерт – единственный, где участвует оркестр, и в «Прометее» основную роль играет именно он. Если мессу Gloria Пуленка я знаю хорошо, много ее слушала и пела, то Stabat Mater Шимановского была мне незнакома, я только сейчас открыла для себя это сочинение.

Давайте пробежимся по остальным вечерам фестиваля. Например, очень интересен концерт «Превращение в аккорд», о чем он?

Мне очень нравится название концерта, оно такое емкое [«Я влюблен в музыку, мыслю только ею... Если так пойдет и дальше, я превращусь в аккорд и исчезну в небесах» – цитата из письма Иоганнеса Брамса Кларе Шуман. – *Здесь и далее прим. ред.*]. В программу вошли сочинения Брамса: духовные мотеты, «Песни Марии» для смешанного состава хора, Пять песен – единственное сочинение Брамса для мужского хора a cappella, и 13 канонов для женского хора. К Брамсу обращаюсь в первый раз в жизни, это такая интересная

встреча – я всегда боялась к его музыке подойти. Казалось, Брамс какой-то непонятный, сухой, академичный, просто ледяная глыба. Окунувшись в работу, понимаешь, что это совсем не так. Он – очень противоречивая натура, и в музыке это слышно, его сочинения – это сдержанность и, одновременно, эмоциональный накал. Надеюсь, слушателям эта музыка будет так же интересна, как и нам.

Расскажите немного про «Страсти по Матфею» Шютца.

Это просто моя любовь! Мы обходимся своими силами: артисты хора исполняют все партии, в том числе сложнейшие – Евангелиста (Владимир Федоткин) и Иисуса (Кирилл Троицкий). Исполнять эти «Страсти» можно с инструментальным сопровождением, но есть вариант a cappella, и мы придерживаемся его. Очень интересно работать с этим материалом, он совершенно фантастический, недаром на него опирался Бах в своих пассионах. Многие заметили, что на наших фестивалях мы исполняем и барочные сочинения, и что-то из современной музыки, стараемся показать разные эпохи, разные жанры.

Кажется, наш любимый спектакль «Черное» немного изменился. Что с ним случилось? Вы поменяли программу?

«Черное» сложилось уже давно, и, хотя каждый спектакль немножко отличается от других, его музыкальная форма не меняется уже несколько лет. Сейчас мы решили добавить музыкальные фрагменты, и с этим нам помогла Татьяна Шатковская-Айзенберг [Композитор, автор

Юлия Сеньюкова. Фестиваль «Иное. 3»
«Буря, или Зачарованный остров» Г. Пёрселла. 19.05.2018

хоровой оперы «Красное»], сделав два переложения негритянских песен.

Вы каждый год делаете фестиваль, не очень укладывающийся в рамки оперного театра. У вас много работы, хор постоянно репетирует и выступает. Как вы это делаете? Зачем вам этот дополнительный труд?

Хороший вопрос. Не знаю, зачем! Но я по-другому просто не мыслю, если честно. Работая с людьми, я понимаю их потенциал. Разные люди приходят в хор: есть вокалисты с сольной подготовкой, есть дирижеры-хоровики, есть артисты музыкального театра – хочется их видеть заинтересованными в работе. На репетициях я вижу, что им интересно: они могут себя открыть с другой стороны, спеть сольно, воплотить что-то актерски. Знакомство с новой музыкой, думаю, всегда очень полезно. Мне кажется, жизнь артиста не может быть спокойной, она должна быть все время в движении, иначе зачем идти в эту профессию?

Беседовала
Ольга ПОРОШЕНКОВА

Добрая традиция «Музыки любви»

15 мая в Новой Опере состоится концерт солистов театра Агунды Кулаевой (меццо-сопрано) и Алексея Татаринцева (тенор). Программа «Музыка любви» пройдет в сопровождении оркестра Новой Оперы под управлением Андрея Лебедева. Агунда и Алексей – востребованные исполнители, оба выступают по всему миру на самых престижных площадках. Встретиться с ними для совместного интервью – задача практически невыполнимая, поэтому наш разговор состоялся в формате веб-конференции.

Вы сейчас находитесь в разных городах?

Алексей Татаринцев. Да, я в Москве, Агунда в Самаре.

Как вы готовите совместные программы при таком графике?

Агунда Кулаева. Это сейчас самое сложное, потому что мы не можем прорепетировать наши дуэты.

А.Т. Приходится непросто, но на тех репетициях, что у нас есть, мы стараемся максимально сконцентрироваться. Репетируем редко, но метко.

Что войдет в программу концерта «Музыка любви»?

А.К. «Музыка любви» – это не разовый концерт, не разовая акция, это...

А.Т. Можно сказать, добрая традиция.

А.К. Да, именно так. У нас сложилась добрая традиция примерно раз в три года делать такой совместный семейный концерт. Чаще – сложно, потому что это огромные затраты времени и сил. Впервые программа «Музыка любви» была исполнена в 2013 году в Новой Опере и в Еврейском культурном центре на Большой Никитской, затем в 2016 году в Большом зале Московской консерватории в рамках фестиваля Василия Ладюка «Опера Live». Мы очень любим нашу публику в Новой Опере, где зародился этот проект, и к выбору репертуара относимся очень бережно и с большим вниманием. Не хочется из раза в раз петь одно и то же, хочется не развлекать зрителей, а показывать разные стили и то, чему мы научились за эти годы. Мы постарались включить в программу много новых арий, но и не оставили без внимания полюбившиеся нашей драгоценной публике номера.

Будут звучать произведения исключительно о любви мужчины и женщины?

А.Т. Не совсем. Конечно, будут и такие, но есть арии о любви к матери, например. Более того, есть дуэт из оперы «Капулетти и Монтеки» Винченцо Беллини, где из-за любви, из-за ревности возникает кровная вражда между двумя

Алексей Татаринцев и Агунда Кулаева
Фотограф – Lena Fainberg

кланами. Агунда будет петь партию Ромео, я – Тебальдо. В общем, в программе будут все оттенки этого прекрасного чувства...

А.К. ...и даже тема родительской любви – есть такие сочинения, в которых говорится о любви к ребенку.

На каком языке вам больше нравится петь о любви? Или нет разницы?

А.К. Мне – на русском.

А.Т. Да, я согласен с Агундой. Это наш родной язык, для публики он понятен. Но в то же время петь на нем очень сложно, ведь важно, чтобы зритель поверил и не остался равнодушным. Конечно, когда поешь на других языках, зритель тоже все чувствует – музыка помогает, но петь на русском – особая ответственность.

Какие языки будут в вашей программе, кроме итальянского и русского?

А.Т. Французский...

А.К. И даже немецкий.

Агунда, в интервью 2013 года вы говорили, что предпочитаете волноваться за Алексея в зрительном зале, а на сцене вам легче спеть одной. Как вы сейчас относитесь к совместным выступлениям?

А.К. Мое отношение уже поменялось. У нас были периоды, когда я волновалась за Алексея на сцене и когда я волновалась за него в зале. Сейчас у нас волнение другого характера – мы переживаем за общее дело, когда стоим на сцене вместе.

А.Т. Все эти шесть лет, прошедшие с первого концерта «Музыка любви», с нами замечательный музыкант, маэстро Андрей Лебедев. Этот тандем для нас очень важен, потому что с Андреем комфортно, он всегда даст нужный совет, найдет компромисс. И оркестр Новой Оперы – родной для нас коллектив, который мы очень любим.

А.К. При этом каждый проект с нами готовят разные концертмейстеры. Все они тоже являются нашими помощниками, их вклад очень значим. Первую программу с нами готовила Лариса Абрамовна Скорцова-Геворгизова, следующую – Маргарита Якунина, а сейчас с нами работает Юлия Банькова. Мы им очень благодарны!

Театральный сезон 2018–2019 подходит к концу. Каким он был для вас? Что больше всего запомнилось?

А.Т. В Новой Опере состоялся очень важный дебют в потрясающей опере Михаила Глинки «Жизнь за царя», где я исполнил невероятно сложную партию Богдана Собинина. Хочется продолжения. Желаю нашему театру, чтобы со временем «Жизнь за царя» вошла в репертуар уже как постановка. Еще в этом году я дебютировал в партии Альфреда в «Травиате» Джузеппе Верди. Это было в Соединенных Штатах Америки, в городе Уэст-Палм-Бич. Я пел полную версию, и надеюсь, что со временем введу в этот спектакль уже в Новой Опере.

А.К. У меня был потрясающий проект, огромный, эпический, просто бомбический, – рождение дочери. Это я считаю главным событием уходящего сезона. Дочку назвала Амелией, что имеет непосредственное отношение к моей профессии. А что касается оперы, то я обзавелась новой партией – Уль-

рики из «Бала-маскарада» Верди, которую исполнила в Тель-Авивской Опере в Израиле. Ну и ряд концертов, которые с большим успехом прошли в Тулузе, в Берлине; во Владикавказе у нас был сольный концерт с Алексеем. Совсем недавно был концерт с Анной Нетребко и Юсифом Эйвазовым во Франкфурте-на-Майне.

Расскажите о концерте во Владикавказе, ведь он был посвящен вашему отцу – Елкану Кулаеву. Планируете ли вы подобную программу в Москве?

А.К. Это действительно было посвящение моему отцу, который был великолепным певцом, замечательным композитором, прекрасным человеком. Мы установили мемориальную доску на дом, где проживали всей семьей. Конечно, многое еще нужно сделать в память о папе и его творчестве: опубликовать ноты, издать диск. Я бы хотела организовать такой концерт и в Москве, чтобы публика услышала его песни на осетинском языке.

Какие у вас планы на будущий сезон?

А.Т. Летом я уезжаю практически на два месяца в Финляндию на фестиваль в Савонлинне. Там я исполню партию Графа Альмавивы в «Севильском цирюльнике» Джоаккино Россини. Затем – в Москве: и Большой театр, и Новая Опера, – спою все свои основные партии. Помимо оперных спектаклей, конечно же, огромное количество концертов – как за рубежом, так и по России.

А.К. Один из ближайших концертов – кантата Сергея Танеева «По прочтении псалма» с Российским национальным оркестром под управлением Михаила Плетнёва. Конечно, пою в репертуарных спектаклях Большого театра. Из премьер – «Сила судьбы» Верди в Дойче Опер в Берлине, партия Прециозиллы. А дальше – большое турне по Японии с оперой «Кармен» Жоржа Бизе.

Алексей, 11 мая вы отметите день рождения. Встретите его на сцене или дома, в кругу семьи?

А.Т. По-моему, в этот день у нас будет оркестровая репетиция... На самом деле, практически каждый год мой день рождения совпадает с концертами, потому что есть прекрасный праздник – День Победы, в это время всегда много выступлений. День рождения проходит в творчестве, и это самое главное.

А.К. Да, дни рождения мы почти никогда не отмечаем день в день. Не получается: мой – 29 декабря, рядом с Новым годом, у Лёши – на майские праздники. Сейчас мы в разъездах, дети в школе, а когда все собираемся, то можем отпраздновать сразу несколько событий в любой день. Единственный праздник, ради которого мы по традиции отказываемся от всех проектов, – это 31 декабря, Новый год, его мы всегда отмечаем дома вместе.

Беседовала
Мария ТИХОМИРОВА

«Бриттеновские знаки вопроса и мерцающая недосказанность»

26 и 27 апреля Новая Опера представила московскую премьеру камерной оперы «Поругание Лукреции» Бенджамина Бриттена. Избранные фрагменты из рецензий критиков – в нашем дайджесте.

<...> Ничего более тонкого, хрупкого, многозначного, деликатного и красивого, чем «Поругание Лукреции», на московской оперной сцене сейчас нет. <...> Борьба Тарквиния (Артём Гарнов) и Лукреции (Гаяне Бабаджанян) – не только друг с другом, но и с самими собой – излучает одновременно чистоту и настоящую, нестыдную чувственность, очень редко достигаемую в оперном театре. <...> С актуальной, казалось бы, повесткой #MeToo она вообще почти не аукается. Зато очень хорошо получаются бриттеновские знаки вопроса и мерцающая недосказанность.

Екатерина Бирюкова,
Colta.ru

В этой камерной по внешним признакам, но универсальной по человеческому смыслу и стиливым связям партитуре Ян Латам-Кёниг расслышал очень многое. Это и удивительная ажурность звуковой ткани, прошитая изощренной системой лейтмотивов (где, например, нежная арфа символизирует чистоту

Лукреции, лихорадочно трубящая валторна – дику похоть Тарквиния). Это и неожиданно мощные в таком скромном исполнительском составе (всего 13 инструментов) прорывы тутти, вроде эпизода бешеной скачки Тарквиния или сцены насилия над Лукрецией. Это и барочный оттенок звучания, особенно заметный в голосах двух рассказчиков <...>.

Сергей Бирюков,
Музыкальные сезоны

Весь мужской хор – один тенор Георгий Фараджев, а женский – одна сопрано Екатерина Петрова. Хотя пение на английском языке – задача не из простых, оба певца работают вокально и эмоционально точно: внешне сдержанно, а внутренне страстно, чем мастерски концентрируют внимание аудитории на страшном развитии событий.

Точнее всего атмосферу происходящего передает сценография Этель Иошпа – затянутые туманным светом минималистичные, мрачного болотного цвета декорации строгой геометриче-

ской формы с неясным трепетанием то ли водной глади, то ли облаков на небе.

Мария Бабалова,
Российская газета

Казалось бы, Бриттен четко поместил историю из времен язычества в строго христианскую систему координат. Но в музыке его звучит что-то иное, иначе бедную Лукришу не провожали бы на изнасилование очаровательным и нежнейшим «Спокойной ночи», которому могли бы позавидовать Гершвин и Бернштейн. Режиссер Екатерина Одегова и драматург Михаил Мугинштейн добавили изюминку от себя, причем самым серьезным образом. Их спектакль в «Новой опере» удался, <...> и его стоит рассматривать как одно из самых удачных оперных событий сезона.

Петр Поспелов,
«Ведомости»

Материал подготовила
Екатерина ФИЛИППОВА

«Все преходяще, а музыка – вечна!»

В этом месяце в Зеркальном фойе состоятся концерты камерной музыки. Об их программах, идеях и многом другом нам рассказали пианисты-концертмейстеры.

8 мая

Дню Победы посвящается!

Екатерина Маклярская:

Когда я готовила программу концерта, посвященного Дню Победы, то намеренно не стала делать акцент на военные песни. Подобных концертов вокруг будет очень много, а мы – оперный театр и должны по-своему отметить этот замечательный, святой для всех нас праздник.

Мне хотелось подобрать такие произведения, в которых слышится дыхание весны. Ведь в само слово «победа» мы закладываем не только смысл конкретной победы в конкретной войне, – это еще и философское понятие. С ним связана и тема потери (например, в концерте прозвучит романс П.И. Чайковского «Корольки»), и тема созидания, возрождения жизни (романс Р.М. Глиэра «Жить! Будем жить!», дуэт П.И. Чайковского «Рассвет»). И, безусловно, тема России (романс Г.В. Свиридова на стихи С. Есенина «О Родина, счастливый и неисходный час!»). Конечно, военные песни у нас тоже есть, но основой концертной программы стала русская классика и музыка композиторов советского времени.

В нашей семье тема войны имеет особое значение. Мой дедушка, Михаил Маклярский, был знаменитым разведчиком, а мой папа во время войны был ребенком. Они жили здесь, на Маяковке, и во время бомбежек прятались на станции метро. Папа мне всегда говорил, что весной 1945 года что-то такое витало в воздухе, какой-то неуловимый дух Победы. И я очень надеюсь, что на концерте нам удастся передать это чувство.

11 мая

Музыка для дуэта

Екатерина Гольцова:

Вы спрашиваете, почему я в качестве зрителя пошла бы на этот концерт? Знаете, суэта жизни, окружающий нас

океан информации часто отвлекают от чего-то настоящего. Иногда хочется просто созерцать, снова и снова убеждаться, что жизнь прекрасна, когда в ней есть место прекрасному. Не перестаешь восхищаться многогранностью творческой мысли композиторов.

Идея концерта – сотворчество солистов. Мы хотели показать, что дуэты, вырванные из контекста оперы, перенесенные на камерную сцену, лишённые действия, декораций и костюмов, не теряют своего драматического содержания, эмоционального накала, и по праву могут конкурировать с концертными дуэтами.

Программа концерта состоит из величайших шедевров, без преувеличения. Прозвучит музыка разных эпох: от К. Монтеверди и Г.Ф. Генделя до Л. Делиба и П.И. Чайковского. Мы выбрали самые красивые дуэты, произведения, которые исполняются во всем мире. В основном это, конечно, дуэты из опер. Здесь и «Дон Жуан» В.А. Моцарта, и «Сказки Гофмана» Ж. Оффенбаха, и «Искатели жемчуга» Ж. Бизе, и многие другие.

Кроме того, у нас будут два самостоятельных концертных дуэта. Первый – «Гребная гонка в Венеции» Дж. Россини из цикла «Музыкальные вечера». Эту музыку композитор написал в Париже в период своего «оперного молчания», а автором текста стал знаменитый либреттист Ф.М. Пьяве. Второй – «Болеро» К. Сен-Санса на стихи другого известного либреттиста и драматурга, Жюль Барбье. Хочется выделить еще одно «не оперное» сочинение, *Stabat Mater* Дж.Б. Перголези. Это произведение опирается на средневековые песнопения, состоит из нескольких частей и обычно звучит целиком. Но мы решили исполнить только последний, двенадцатый, номер и заключительный дуэт, где распевается единственное слово *Amen*.

В нашем концерте собрана классика на все времена, здесь нет ни одного

«случайного» дуэта, и каждый из них доставит слушателям эстетическое удовольствие. Как говорится, «все преходяще, а музыка – вечна!».

31 мая

К 175-летию со дня рождения Н.А. Римского-Корсакова

Екатерина Маклярская:

Идея концерта, посвященного музыке Н.А. Римского-Корсакова, принадлежит солистке Маргарите Некрасовой. Мы не могли пройти мимо такой красивой даты – 175-летия со дня рождения композитора. Вместе с Маргаритой и Михаилом Губским мы исполним романсы, оперные арии и дуэты.

В программу вошли не только популярные романсы («На холмах Грузии» или «Редет облаков летучая гряда»), но и малоизвестные сочинения. Например, прозвучат два малоизвестных дуэта: «Ангел и демон» и «Горный ключ». Причем, если первый еще можно послушать в записи, то второй я даже не нашла! А жаль, потому что это замечательная музыка. Еще мы исполним отрывки из опер «Царская невеста», «Майская ночь», «Кащей бессмертный», «Ночь перед Рождеством». Мне также хотелось бы включить дуэт Марины Мнишек с Гришкой из «Бориса Годунова» М.П. Мусоргского (под редакцией Римского-Корсакова). Это позволило бы показать еще одну грань таланта композитора.

Работа над камерными произведениями – увлекательный творческий процесс. С Михаилом и Маргаритой очень приятно работать, это яркие личности с прекрасными голосами. Такие концерты камерной музыки очень важны, они необыкновенно обогащают и певцов, и нас, концертмейстеров.

*Материал подготовила
Александра ИГУМНОВА*